

A close-up, chest-up photograph of a very muscular man. His skin is tanned and glistening with oil, highlighting his well-defined pectoral, abdominal, and arm muscles. He is wearing dark-colored briefs. The background is dark and textured, resembling stone or concrete, with faint blue light and small orange sparks or embers floating around. In the upper right, there is a circular '18+' rating badge. In the lower left, there is a black box with white text indicating content warnings. At the bottom, the title 'Sex-тренажёр по соседству' is written in a mix of white cursive and bold orange sans-serif fonts, followed by the author's name 'ЛЮБОВЬ ПОПОВА' in white sans-serif font.

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Sex-тренажёр
ПО СОСЕДСТВУ

ЛЮБОВЬ ПОПОВА

Секс по соседству

Любовь Попова

Секс-тренажер по соседству

«Автор»

2020

Любовь Попова

Секс-тренажер по соседству / Любовь Попова — «Автор»,
2020 — (Секс по соседству)

Настя жена и мать, каких миллионы. Декрет и постоянные подколы мужа сделали из нее неуверенную в себе серую мышку. Так было бы и дальше, пока её соседом не стал военный в отпуске, горячий Артем. Он хорош собой, мускулист, с отличным чувством юмора. Он мог получить любую, но решил помочь именно Насте... Похудеть. Особым образом. Содержит нецензурную брань.

© Любовь Попова, 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2. Настя	7
Глава 3. Артём	11
Глава 4. Настя	14
Глава 5. Артём	18
Глава 6. Настя	19
Глава 7. Артём	21
Глава 8. Настя	23
Глава 9. Артём	27
Глава 10. Настя	32
Глава 11. Артём	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Любовь Попова

Секс-тренажер по соседству

Глава 1.

– Почему она?

– Хочешь спросить, что кроме зачетной задницы? – интересуюсь я у друга Макса, кивая знакомому тренеру по вольной борьбе. Одному из многочисленных направлений этого огромного спортивного комплекса. Лично я предпочитаю кроссфит, но после очередной военной командировки мне не то, что тяжести поднимать не хочется, меня от отжиманий тошнит.

Хотя вот на этой голубке я бы поотжимался.

– Давно сюда ходит, кстати, – хмурится Макс, вспоминая имя, и сдается, потому что его извилин едва хватает на собственный список телок. – Личико ничего такое, но ты знаешь, я люблю девочек-конфеток, – говорит он и подмигивает Ленке, местному хореографу по танцам на шесте, и такой же тощей, как тот шест.

Она отвечает кокетливой улыбкой, но подмигивает мне, словно мы только вчера вышли из совместного душа, где знатно так покувыркались. Ну, что сказать? Виновен, было. А вот последние полгода кроме самостоятельных передергиваний не было ничего и, если честно, уже хотелось лезть на стенку.

– Мне нравятся нормальные бабы, а не эти – доходяги твои. Там же даже подержаться не за что. А здесь посмотри, какие холмы, какие каньоны. Вставить и просто наслаждаться дарами природы.

Объект обсуждения как раз заканчивает тренировку растяжкой и свои холмы опускает достаточно низко, почти вжимая в колени, закрывая обзор копной шикарных русых волос.

– И растяжка, что надо, – все-таки соглашается Макс, оценивая, что клиентка достойна внимания, уже и сам переступает с ноги на ногу, пока в зеркале отражается отличный вид на задние «дары природы».

– Ну вот, а я что говорю. Только замужем, – хочу разочарованно потереть щетину, как в армии, но вспоминаю, что уже и побрился и даже волосы привел в порядок. Или, лучше сказать, практическое их отсутствие.

– Я думал, это не проблема, – удивляется друг, с которым мы вместе занимались кроссфитом. В итоге он стал тренером, а я военным.

– Да, не проблема, – пожимаю мощными плечами, от чего девчонка за административной стойкой улыбается мне шире. – Только эта голубка и взгляда на меня не поднимает.

– Да ну?! Откуда знаешь?

– Так соседи мы с ней, в лифте часто катаемся, и, к сожалению, на комсомольском расстоянии.

– И что? Сдашься? То, что она твоя соседка, только увеличивает ее шансы получить себе личный секс-тренажер на... – он поднимает выщипанные по последней моде брови в ожидании ответа, метросексуал хренов. – Сколько у тебя отпуск?

– Три месяца. Сдаваться я точно не намерен. Тем более, судя по холеной роже ее мужа, он не то что жену нормально трахнуть не способен, он вряд ли передернуть может без помощи, – кривлю губы в усмешке и все-же замечаю кукольный взгляд голубки на себе. Только хочу растянуть губы в завлекательной улыбке, как она отворачивается, чтобы взять полотенце и розовый браслет с номерком от шкафчика.

Ну что ж, раз заметила, тогда все проще.

Макс ржет и тут же замолкает, когда голубка проходит мимо нас, чуть задрав круглый подбородок на лице сердечком, и обдавая меня дурманящей смесью запахов. Женского, естественного, смешанного с легким ароматом цитрусовых духов.

Не могу оторвать взгляд от покачивающейся при ходьбе пышной груди, обтянутой бежевой футболкой фирмы Найк (могу поклясться, что видел сосочки), но толчок в бок дружеским локтем заставляет меня вспомнить о манерах.

– Судя по взгляду, Тема, ты ее уже во всех позах...

– Пока только грудь, – усмехаюсь я и как загипнотизированный иду в сторону стойки, где и должно начаться наше с ней маленькое приключение.

– Думаешь, даст? Замужем все-таки.

– Отец меня учил добиваться желаемого, а я ее очень желаю, – киваю на свой, весьма явно заявивший о себе, член и сажусь на синий кожаный диван, пока Макс забирает на себя внимание девчонки за стойкой.

А я откидываюсь на спинку, собираюсь ждать желанный объект и продумывать стратегию победы и взятия кукольных голубых глазок и отличных сисек в плен.

Глава 2. Настя

Когда тебе по несколько раз на дню говорят, что твоя задница стала огромной, сложно в это не поверить. Тут и самая популярная красавица мира задумается. А я не красавица. Ну... вообще ничего такая, если не поворачиваться боком и не видеть, что со мной сделала беременность.

Моя фигура, бывшая до беременности абсолютно плоской, ныне стала прямо-таки выдающейся. И мне это не нравится. Может быть, и нравилось бы, грудь так вообще красивая, высокая, с дерзко торчащими сосками, но муж... секс... Да, кажется, я об этом уже говорила.

Вот я и пришла в этот спортивный комплекс, чтобы если не стать доской, как раньше, то хотя бы снова привлечь внимание мужа к своему телу, помимо колкостей и насмешек.

И надо же было именно здесь встретить этого потрясного соседа. Когда несколько дней назад он вылез из машины вместе с риелтором, я у окна чуть кофе не поперхнулась.

Военная выправка, короткая стрижка, жесткое, волевое лицо. Такой бы зять отцу-полковнику точно бы понравился, а вот моего, смазливого на лицо мужа, он категорически не принял. Даже с трехлетним внуком не виделся ни разу.

– Тот, кто воспитывается этим слизняком, не может вырасти нормальным человеком.

Наверное, соседа воспитывал не слизняк, по его виду он был даже очень нормальным. Таким нормальным, что когда я, возвращаясь из магазина, увидела его в одних спортивных брюках, то следующие пятнадцать минут снимала сексуальное напряжение в душе. С мыслями о его широкой груди и мышцах, обвитых венами, плоском животе, с явно выделяющимися кубиками пресса, и губах, в которых он сжимал сигарету. Про длинные пальцы и черные, как ночь, глаза, успевшие за мгновение оценить все мои выдающиеся части, лучше не вспоминать, во избежание очередной протечки.

Он, наверное, тогда знатно посмеялся, пока я тащилась с двумя огромными пакетами.

Вон они с другом и сегодня обсуждали меня, пока стояли и наблюдали за моими потугами во благо собственной удовлетворенности.

Наверное, думают, что у меня ничего не получится, и я останусь жирной. Но я не останусь! Зря что ли меня военный воспитывал?

Я добыю своего и надену те джинсы, в которых бегала на первом курсе шесть лет назад.

Очень надеюсь, что его не будет возле стойки администратора, и я спокойно пойду домой, без переживаний и томления по недоступному мужику. Но... Увы.

Он там, сидит и смотрит в современный тренажёрный зал в синих тонах, который отсюда виден, как на ладони. Вместе со всеми его перекаченными леди и столь же перекаченными джентльменами, которые нагружают этим дамам на штанги еще пару тяжелых блинов.

Сосед смотрит туда, но заметно напрягается, когда я подхожу к стального цвета стойке, чтобы отдать девушке Лене ключи от шкафчика.

– Ну как, Анастасия? Есть результаты? – улыбается мне Лена, сама, наверное, даже не знающая, что такое иметь лишний вес. Бесит. Такие женщины – ведьмы, не иначе. И им достаются машины, влюбленные мужчины и много секса.

Да, особенно много секса. А вот у меня нет секса уже несколько месяцев, потому что мой благоверный даже не смотрит в мою сторону.

– Вы же видите, – развожу руками, показывая все такое же низкое декольте, как раньше. – Изменений нет, но я не сдамся.

– Это правильно, – вежливо улыбается мне Лена, и я вдруг замечаю, что она мажет взглядом по чему-то, что находится за моей спиной. Ну, на соседа грех не обратить внимание. Такие мужики рождаются раз в пару сотен лет и достаются в мужа самым удачливым. Но это точно не я, я даже в беспроигрышную лотерею однажды умудрилась продуть.

– Главное – не сдаваться, – привлекает меня голос девушки. – До завтра?

– Да, как всегда. Спасибо, – возвращаю ей улыбку с тяжелым вздохом и иду мимо соседа, стараясь не подавать вида того, как меня с ума сводит его мужской парфюм, к гардеробу.

Только стоило мне подать номерок и дожидаться, когда безымянная старушка протянет мне светлое пальто, как кто-то опережает меня. Сосед. С улыбкой, способной подогнуть ноги и у монашки, он распахивает пальто, предлагая мне помочь одеться.

Я, откровенно говоря, не понимаю причину подобного поступка. Вежливость? Или его гложет вина, что смеялся надо мной все то время, что я занималась?

– Зачем? – не здороваясь, интересуюсь я, но вдеваю руки в рукава, поворачиваясь спиной. И, как оказалось, совершаю стратегическую ошибку, потому что в следующий миг в мое ухо летит горячий требовательный голос:

– Потому что у меня есть предложение, от которого вы не сможете отказаться.

Та наглость и самоуверенность, с которой это сказано, не могут не подкупать. Я делаю усилие, чтобы сдержать улыбку, и, тряхнув волосами, отворачиваюсь. Беру сумку и, не застегивая светлое пальто, иду прочь, видя в стеклянной двери, что вызвала его недоумение.

Даже не знаю почему, но вся эта ситуация меня дико возбуждает, вызывает острую пустоту между ног. Интересно, а снизу у него тоже все идеальное?

Улыбаюсь сама себе, чувствуя детский восторг. Возможность пусть и в пустую, но пофлиртовать с таким мужчиной бесценна. Особенно замечательно, что этот самый красивый незнакомец идет за тобой.

Обгоняет и преграждает путь, обдавая своим чарующим древесным запахом одеколона.

– Неужели не нравлюсь? – спрашивает он прямо в лоб.

– Нравитесь, – на автомате выдаю и тут же прикусываю язык. Надо же было такое ляпнуть. Могла бы сказать, что не уверена... С ужасом вижу его хищный оскал. По неосторожности я дала такой мощный рычаг давления на себя, что теперь остается только объяснить ситуацию от и до. И я хочу, да. Но его взгляд, которым он пожирает видневшуюся в декольте грудь, меня парализует.

Я уже и не помню, когда на меня так смотрел мужчина, да и вообще не помню, чтобы такое когда-нибудь было. Так порочно, так страстно и вожаденно, словно я добыча на его столе, за которой даже охотиться не пришлось.

– Зачем вы туда смотрите? – идиотский вопрос, но мне нужно говорить хоть что-то, пока я не кинулась на колени, умоляя взять в рот мои набухшие от возбуждения соски.

– Хочу.

Вот так просто. Хочу и все. А мои желания будут учитываться?

Он поднимает взгляд и проникает им в самую суть, добираясь до каждого неудовлетворенного уголка моего естества.

– Что вам нужно?

– Взаимовыгодная помощь...

– Не понимаю, – раздраженно говорю и пытаюсь обойти этого дылду, такого шикарного дылду. Он не дает и оттесняет меня к стеклянному парапету, продолжая держать в плену своих черных глаз.

Наверное, они синие или карие, но кажутся абсолютно непроницаемыми.

– Ты же ходишь сюда не зря... – кивает он на стеклянные двери спортивного комплекса.

– Сюда... – кажется, мозг начинает отключаться, особенно, когда вся его мощь начинает надо мной нависать и загораживать свет, льющийся из окон на потолок.

– Ты хочешь похудеть, и я готов помочь тебе в этом... – терпеливо говорит он.

– Как? – хмурюсь я, уже прикидывая, что он хочет стать моим личным тренером, и во сколько мне это обойдется. – Я перепробовала все. Сидела на диете, голодала, занимаюсь несколько раз в неделю, даже делала иглоукалывания.

Сосед, между прочим даже не представившийся, по-хамски фыркает и ногой чуть подталкивает меня к перилам, прижимая к ним.

Я теряюсь от его совершенства и даже забываю, где мы, и что вокруг снуют люди. Сосед держится на расстоянии руки, он не касается меня, но сама поза наверняка выглядит вопиюще неприличной.

Проскакиваю под его рукой и пытаюсь уйти, но он догоняет меня и теперь смотрит на спину. Возможно, на задницу. Иду быстрее, быстрее от него и собственных неадекватных желаний, среди которых просьба дать потрогать его член самая приличная.

– Ты все делала неправильно, – он продолжает меня преследовать, иногда направляя мои шаги рукой, потому что я брожу кругами словно в тумане.

– А вы, конечно, знаете, как правильно, – интересуюсь, когда мы съезжаем на эскалаторе вниз.

– Я знаю, как сделать так, чтобы ты была довольна.

«Ты была довольна». Такое вряд ли возможно.

– Сомневаюсь. И что вы хотите предложить? – говорю уже на улице, подтягивая ремень спортивной сумки. Любопытство не порок. Я опровергаю это заявление. Узнать, что хочет от тебя шикарный парень в коричневой кожанке, белой футболке, обтягивающей торс, женщина просто обязана. Особенно такая женщина, как я, не избалованная вниманием вечно занятого, безразличного мужа.

– Я помогу тебе похудеть, – вкрадчиво говорит он, сверкая белозубой улыбкой, плавающей все моральные устои, вбиваемые отцом-военным. – По-особенному.

Его тон вкупе с прищуренным взглядом и твердыми губами, которых хочется коснуться, повергает меня в транс, и я плохо соображаю, о чем он.

– Как это... по-особенному? Новая методика?

– Да нет, наоборот, древняя, как мир.

– Не понимаю, – хрипло говорю, чувствуя, как его желание во взгляде, мое собственное просто душит, как вдруг его руки хватают меня за воротник, а губы с силой и жестокой нежностью впечатываются в рот.

Одно прикосновение его языка сметает даже саму мысль о сопротивлении, жажда подчиниться его напору только растет и множится, так же быстро, как бьется в груди о ребра сердце.

Его язык не дает мне и шанса избежать его страсти, ласкает, наказывает, буквально вылизывает мой рот, словно что-то пытается доказать, объяснить...

Озарение настигает внезапно, и смысл всего разговора и выгодного предложения становится прозрачным, как капля росы.

Собираюсь с силой и отталкиваю его от себя, правда только с третьей попытки. Да и ощущение сложилось, что он прервал поцелуй сам, чтобы отдышаться.

– Сладкая послушная голубка.

– Я не буду делать с вами это...

– Это? Это трахаться. Люди называют это так, – он еще и насмехается. Хочу его ударить, замахиваюсь, но он лишь отмахивается и, хохотнув, потому что удар моськи слону вряд ли мог бы навредить, сминает в поцелуй губы снова, на этот раз подтянув к себе и подняв в воздух.

И вот снова. Его губы словно удавка на шее, от которой нет спасения, и сколько не тяни рукой, сколько не хрипи о помощи, она не исчезнет. И он не исчезает. Остается только мычать от удовольствия и держаться за его плечи.

Но сосед быстро прерывается и куда-то меня тащит.

– Куда...? – только и успеваю я сказать, уже мало что осознавая, находясь в каком-то эротическом тумане, словно накурилась кальяна и просто отдаю себя на откуп желаниям незнакомца.

Он пихает меня на заднее сидение какого-то внедорожника с затемненными стеклами и садится следом, блокируя выход, заставляя меня задыхаться от страсти и страха.

– Это неправильно, я еще не согласилась, – шепчу я и тут же со вскриком выгибаюсь дугой, когда его руки просто стискивают мою грудь под тканью тонкого свитера, а голос шепчет в ухо, прикусывая губами мочку:

– Забудь обо всем, просто чувствуй.

Глава 3. Артём

Когда женщина, красивая женщина, что вызывает мощный приток крови в паху, смотрит так вызывающе, у тебя не может остаться и шанса держаться от нее подальше.

Вот и у меня нет шанса включить мозги и понять, что мы стоим на людной улице возле развлекательного комплекса, пусть даже и утром, что она замужем, что она может быть и вовсе против моего внимания. Но я все равно притягиваю ее к себе и целую так, словно земля под нами тут же разверзнется и повергнет нас в преисподнюю за пошлые, порочные мысли. А мои мысли очень порочные, такие, что и любителю порево-кинематографии не снились.

Поэтому прослушав, что она там пытается возразить, я отрываюсь на мгновение от пухлых, вкусных губ, чтобы набрать новую порцию воздуха и нырнуть в эту сладкую шелковую глубину рта. Снова. И снова. Познать языком все его сокровенные местечки, напиться желанием, от которого нас обоих трясет, а тела наливаются тяжестью магнитов, прижатых к друг другу без возможности разойтись по своим полюсам.

Член уже болезненно трется о ткань спортивных брюк, и я со стоном подхватываю голубку и несу в свою огромную тойоту тундру, на заднем сидении которой можно очень удобно расположиться вдвоем в любой, самой заковыристой, позе.

Я еще не пробовал так делать, но фантазировал часто. А сейчас аппетитная самочка поможет мне воплотить фантазию в жизнь.

Закрываю на все замки тонированную в ноль тачку и сразу беру обхватом изумительную грудь соседки. Надо будет обязательно спросить ее имя и назвать свое, но сейчас есть занятие поинтереснее бесполезных разговоров. Обычно разговоры заставляют задумываться о каких-либо вещах, но нам сейчас здраво мыслить нельзя. Здравомыслие это для ханжей, что боятся слова «член» и называют его высокопарно «окаянный отросток».

– Просто чувствуй.

Чувствуй, детка, как кусаю твои соски через два слоя ткани, как мну эти шикарные дары природы и уже представляю, как буду елозить по ложбинке членом, как ты вытацишь розовый влажный язычок и будешь глотать мое семя.

Соседка совсем откидывается назад, теряясь в этой нирване, что накрывает плотным кольцом мое тело и стискивает горло, заставляя задыхаться. Задираю футболку и скучный бюстик высоко под горло и охаю от того вида, что предстает передо мной. Нет, ей, конечно, стоит схуднуть, складка на животе об этом громко шепчет, но терять такие дыньки, что сдуются в первую очередь, будет очень жалко. Очень, очень жалко терять это сливочное великолепие с тонкой бархатной кожей и сеточкой веноч, что проступают под ней.

Поэтому, пока есть время, хочу насладиться ими сполна. Обхватываю с двух сторон, стискивая, и просто рываюсь в них, как в приятные, упругие подушки-антистресс.

Для мужика это вообще лучший антистресс. Я ни раз видел, как отец после тяжелого рабочего дня, заполненного договорами и общением с идиотами, просто опускал голову к матери на немаленькую грудь и уже спустя несколько минут был полон сил и энергии.

Велика сила женской груди.

– Шикарные титки, – шепчу я в ложбинку и принимаюсь ее вылизывать, чертя дорожку к темным, крупным соскам. Ласкаю ореолу по кругу кончиком языка, твердую вершинку сжимаю губами.

Все это просто болезненно давит на мозг, кровь в котором шумит и пульсирует, отсчитывая секунды до падения в бездну экстаза.

Но я не тороплюсь. Исследую грудь своей соседки основательно, целую плечи, языком ласкаю пересохшие губы и снова спускаюсь к холмам.

Чтобы она приняла меня прямо сейчас, нужно даму так завести, чтобы свое имя забыла.

Продолжаю рукой сжимать сливочного цвета грудь, украшенную темно-розовым соском, как вишенкой на пирожном и чувствую, как соседка ужом подо мной извивается, демонстрируя свое отчаянное желание, чтобы я продолжал посасывать и прикусывать.

– Имя, – низко шепчу между делом.

– Что? – хрипло стонет она, уже, кажется, теряя сознание, и все сильнее оттягивая на моей голове волосы.

– Как тебя зовут? – и правда потерялась, поэтому рукой пролажу ей в брюки, нащупываю мокрое белье, под которым влажный пушок.

Этого не люблю, но один раз пережить можно.

– Ох, что говоришь? – снова стонет она, когда пальцем поглаживаю чувствительное местечко между розовых складочек, постоянно находясь на грани попадания в тесную пещерку.

– Уже не важно, милая, сейчас будет еще лучше – продолжаю ласкать губами грудь и, кажется, слишком громко звеню ремнем и молнией на ширинке, выпуская наружу своего мини-тренера удовольствия, хотя и не такого уж мини. Он точно знает, как доставить девушке наслаждение. Чуть изогнутый, он находит такие точки внутри тела, до которых обычные парни никогда не доберутся.

Где-то я промахиваюсь, ибо в следующую секунду ослабевшее возбужденное тело где-то находит силы, чтобы меня оттолкнуть.

– Настя, меня зовут Настя, – спускает она футболку на влажное от слюны и испарины тело, убирает с глаз влажные русые волосы и опалает строгим взглядом. – И я не трахаюсь с кем попало в машине, – а вот это обидно. Что это я и сразу «кто попало». Я нормальный парень, да и судя по тому, как ее трясет, она думает так же.

Даю ей свести ноги и люблюсь тем, как она ворчливо морщит вздернутый, как сосок носик.

– Выпустите меня.

– Ты еще мое предложение не выслушала, – прячу разочарованный, но не поникший член в боксеры. Сейчас мне ничего не стоит просто ее нагнуть и трахнуть, да она и сопротивляться будет несильно. Но сила мужчины не в покорении слабой, а в умении заставить женщину хотеть тебе покориться.

– Мне совершенно не интересно, что вы хотите мне сказать. Ваши действия могут быть расценены, как насилие.

Вот тебе на. Как стонать и извиваться, так это, пожалуйста, а как бедный мужчина хочет немного взаимности, так сразу голову в песок.

– А ваши, – сдерживая смех, передразниваю ее недовольный тон, – как соучастие в преступлении.

– Я вам не соуча... То есть я... Откройте эту чертову дверь! – кричит она и дергает ручку дверцы.

И только слезы в ее глазах заставляют меня со вздохом открыть дверь. Из машины она буквально вываливается на асфальт, но быстро поднимается и уже хочет гордо захлопнуть дверь. Хочет разумом, но тело до сих пор дрожит, щеки пылают, а глаза горят похотью. И все это чертовски ее пугает. Да и меня такая неадекватная реакция на обычную в общем-то женщину смущает.

– До сви...

– А знаешь, сколько ты калорий сожгла, пока подо мной извивалась? Примерно сто пятьдесят! Метаболизм ускорится, и подкожный жир начнет сжигаться активнее, – быстро говорю перед тем, как она возмущенно задирает подбородок и хлопает со всей дури дверцей.

– Эй, это тебе не трактор!

Ну что, первая тренировка была разминочной и чертовски возбуждающей. Посмотрим, как она запоет, когда я включу все свое обаяние, смекалку и начну думать не только членом, но и мозгом, который, как часто говорит мама, у меня отлично работает.

А кроме мозга работает еще и член, и очень требует одну обиженную на саму себя голубку. Надо просто объяснить ей, что в собственных желаниях нет ничего плохого. Надо просто показать ей очень приятный способ скинуть несколько лишних кило.

Глава 4. Настя

– Влад, ну я же тебя просила приехать пораньше. Ты опять не поиграешь с Тёмой, – ною я в трубку, таща на руках уже капризного сына.

– Слушай, не сношай мне мозг. Я работаю на благо семьи, твою вон задницу в фитнес-зал отправил. Буду поздно, – отвечает мне как обычно муж и тут же скидывает. Наверное, его длинноногая «работа» заждалась.

Со вздохом убираю телефон и нажимаю кнопку лифта. Сейчас я окажусь дома, уложу сына и снова буду предаваться мечтам о несбыточном. Например, о том, чтобы муж снова посмотрел на меня так, как раньше, чтобы у нас снова был секс. Не фейерверк, конечно, но одно его наличие доставляет женщине много радости. А еще, можно помечтать о сногшибательном соседе, которого я избегаю уже третий день. Только как преступница подглядываю в глазок, когда он курит на площадке, часто поглядывая на дверь.

Однажды даже позвонил в звонок, и я очень хотела ему открыть, но боялась, что разговора не получится, зато получится та самая тренировка, о которой он говорил. Древняя, как мир. Хотя с моим волнением и тем, сколько я съела за последние пару дней, и тренировок не надо

Одно яблоко вчера и сегодня йогурт в магазине. Больно мысли мои не едой заняты, а тем, как волнующе принялся обрабатывать мою грудь сосед, как умело лизал соски, вызывая обильные притоки крови в мозг, где импульсы возбуждения уже отбивали чечетку.

Как, интересно, его зовут?

Ставлю Тёмку на пол и вставляю ключ в дверь, не открывается. Достаяю, вставляю снова. Замок бывает заедает, но сегодня прямо не хочет пускать меня домой.

– Мама...

– Да, милый, сейчас, – дергаю я ключи, уже раздражаясь от бессилия. Чувствую, как к горлу подступают слезы. Да что же за невезуха такая. Муж трахает не меня, с соседом трахаться нельзя, потому что... ну потому что я замужем в конце концов, а тут еще ключ, и Тёма начинает хныкать.

Раньше я не думала об этом, а теперь мысль, что меня разденет и нагнет чужой мужчина, не дает мне покоя ни днем, ни ночью. Особенно ночью, когда неудовлетворенное тело томится по чужой ласке.

– Ну, открывайся же, – кричу на дверь, давлю на ключ и слышу оглушающий, отдающийся эхом от стен звук треснутого ключа.

– Твою же мать...

– Мама.

Вдруг слышу шумный выдох и резко поворачиваюсь. Сосед, сверкая темными глазами, облокотившись на косяк, выпускает клубы табачного дыма и с наглой усмешкой смотрит на мои страдания.

Козел! Все они козлы!

– Вы не могли бы не курить! Тут, если вы не заметили, ребенок.

Кажется, и правда пропустил сей факт. Потому что тут же подбирается и тушит сигарету в банке возле своей темно-бордовой двери. Без слов подходит близко, обдавая запахом ментола и одеколона. Под мой неожиданный испуганный вскрик легко поднимает, как пушинку, и отставляет в сторону.

– Я смотрю, вам энергию некуда девать, – рассматривает он замок и сломанный ключ, и переводит взгляд на мои лодыжки.

Я с неким женским тщеславием думаю, что они тонкие и изящные, а пальчики на ногах накрашены манящим красным лаком.

Но тщеславие тщеславию, а Тема уже зевает.

– Вы так и будете пялиться на мои ноги или планируете помочь?

– Красивые ноги, – ошеломляет он меня комплиментом и тут же реагирует на Тёму, дергающего его за рукав красной футболки.

– Таски.

– Точно, малыш, тачки, тебе нравится? – поворачивается он к улыбающемуся сыну и показывает на принт на футболке. – Как тебя зовут?

Он бы еще у него водительское удостоверение попросил.

– Тима.

Вау, сам назвал свое имя. Впервые.

– Тимур? – задает вопрос сосед уже мне, но я с улыбкой качаю головой.

– Артем.

– Откуда вы знаете мое имя? – поднимается он и разворачивает свое шикарное тело ко мне, так что пришлось задрать голову.

– Имя моего сына – Артем.

– А... Так мы тезки! – улыбается Тёме Артем и спрашивает: – Хочешь футболку подарю?

Сынок, конечно, радостно кивает, а я не успеваю ничего сказать, как сосед одним движением стягивает с себя предмет одежды и отдает Тёме.

– Вы...

– Да расслабься, голубка, она свежая.

– Между прочим, использовать ребенка, чтобы залезть ко мне в трусы, низко и подло, – шепчу ему на ухо и охаю, когда он резко поворачивает голову и успевает задеть мои губы своими, опалая их мимолетным прикосновением, как будто клеймо ставит.

– Я еще не на такое пойду. Сейчас, например, почию твою дверь и нагло попрошусь на кофе.

– А я вас не пушу, – вскидываю бровь и складываю руки на объемной груди.

– Пустишь, пустишь, – наклоняется он ко мне. – И в себя тоже пустишь.

Делает он замок удивительно быстро, и вот уже через тридцать минут Тема сопит в своей кровати, а я пытаюсь не смотреть на то, как Артем слизывает с ложки клубничное варенье, не отрывая взгляда от моего декольте.

Кухня у нас маленькая, поэтому, как только я встаю убрать посуду, это наглое полуобнаженное тело встает помочь, но тут же прижимает меня к столешнице задницей.

– Очень вкусная...

– Ложка с вареньем? – пытаюсь отвернуть голову от его поцелуя, но руки-тиски заставляют посмотреть ему в глаза. – Артем, не надо этого. Это неправильно...

– Но так приятно, а главное полезно, – шепчет он мне у самых губ и впивается в них грубым, но удивительно возбуждающим поцелуем.

Он ласкает мой язык своим, терзая губы, и руками лезет в халат и достает набухшую грудь с чувствительными горошинками-сосками.

– Ох, – издаю я стон и невольно закидываю ногу ему за спину, и тут же нашу порочную идиллию нарушает звонок телефона. Его, судя по мелодии. Она быстро затухает, но в мозг она вошла иглой и дала немного прийти в себя.

Осознание происходящего торкает, и я понимаю весь его ужас. Я в квартире мужа, с незнакомым мужчиной и его членом, что уже настойчиво трется мне между ног. Желание поддаться своим чувствам невыносимо, невыносимо не хотеть эту грудку мышц... Рядом с собой, на себе, в себе, но все же это нехорошо.

Пытаюсь оттолкнуть его, но он словно недвижимая скала продолжает терзать мои губы. Пальцами одной руки покручивая мой сосок, а другой забирается мне под халат и сжимает плоть ягодиц.

– У тебя зачетная задница, прям самый смак, – пальцем он проводит вдоль впадинки между булочек, задевая половые губки, и мой мир снова взрывается красками. И от комплимента, и от его ласк, и голоса, а главное от того, что чувствую его твердое огромное желание. Никогда не любила минет, но именно сейчас появляется желание потрогать его, ощутить на языке его вкус.

Член трется о лобок через ткань, словно просится внутрь, жаждет забраться в мою узкую пещерку. И я, уже в эротичной дреме, только раздвигаю ноги шире, со стыдом понимая, что готова на все.

– Да, да, возьми меня...

Но разве мы живем в сказке? Разве может мужчина, которого я обнимаю, быть идеальным? Нет, он обычный мужлан, который произносит слова, испортив волшебство момента:

– Час секса заменяет десять километров бега.

Огонь внутри резко тухнет, а судя по его взгляду, он того и добивался. Хотел остановить это безумие, способное оставить от нас кучку пепла и разбудить малыша.

– Не обижайся, голубка, но трахаться в кухне твоего мужика я не буду. Пойдем ко мне.

– Уйдите, – говорю голосом, судя по всему, способным заморозить и Везувий. Артем вскидывает брови и усмехается, а потом говорит так цинично, что меня пробирает дрожь стыда и желания:

– В общем, смотри, голубка, ты прокололась, и твои хотелки видно и без снайперской винтовки, – говорит без обычной усмешки, каким-то таким властным тоном, что меня начинает трясти, и я не успеваю возразить, как его рука резким движением накрывает мои трусики и вжимает их в кисть, пропитывая терпкой влагой.

Возмущенно вскрикиваю, пытаюсь убрать руку, но это как сдвинуть с места вагон.

– Я в городе три месяца, и у тебя есть уникальная возможность воспользоваться моим членом по прямому назначению и стать, как вы там эту хрень называете... Фитобляшкой...

– Хамло! – шиплю в красивое, волевое арийского типа лицо и замахиваюсь, но тут же оказываюсь прижатой животом к столешнице, а в зад упирается член таких размеров, о которых принято говорить шепотом и с придыханием.

Огромный, короче.

– Не елозь, пока я просто тебе не вставил, и дослушай.

– Отпустите... – хриплю, чувствуя, как волна возбуждения уже накрывает с головой, заставляя захлебываться собственным рваным дыханием.

– Днем я дома, и твои тренировки в зале можно прекрасно заменить на любую плоскую поверхность в моей квартире.

– Ни за что...

– Я вынуждать не буду, дело, как говорится, твое, – говорит он вроде бы безразлично, но пальцы на трусиках вдруг приходят в движение и начинают по кругу ласкать розовую плоть между ног, от чего в глазах плывут круги. Поджимаю губы, лежа щекой на глянцевом столе, чтобы не издать стон и не показать нахалу свое окончательное падение в порочную агонию.

– Поверь мне, голубка, ты ничего не потеряешь.

– Зачем это тебе? – спрашиваю, понимая, что одна только его рука может сломить все мое сопротивление. А если это будет язык? А если это будет член?!

– Все банально. Ты живешь рядом, тебе нужно схуднуть, мне нужна красивая баба. Да нам сами небеса благоволят трахаться, как кроликам по несколько раз в день. А еще у меня на тебя стоит так, что принимающим виагру такое и не снилось.

Обалдеть... Серьезно?

Представляю его голым – плечи, кубики пресса, бледная упругая задница и вжимаюсь в пах сильнее, пока его пальцы начинают активнее тереть у меня между ног.

Он прикусывает мне шею, что-то шепчет, но из-за шума в голове и приближающегося экстаза ничего не слышу. Зато хорошо слышу звонок в дверь, полностью разрушивший момент удовольствия

Глава 5. Артем

– Классика? Любовник, муж? – насмешливо интересуюсь. Думаю, что было бы интересно посмотреть, как голубка поведет себя в экстренной ситуации.

– Вы всегда звоните к себе домой? – возвращает она ухмылку и бьет кулачком в грудь. – Да отпустите меня уже, пока этот звон не разбудил Тёмку.

Отпускаю, и пока она разговаривает с кем-то со скрипучим голосом, рассматриваю современную темную кухню и приятные голубые шторы. Здесь неплохо, чисто, свежо, но не хватает чего-то в воздухе, что, например, всегда было у родителей.

Вернее, есть всегда. Любовь, густым воздухом витающая и обволакивающая каждого. Мне двадцать семь, а по отцу видно, что он до сих пор продолжает хотеть мать с той же силой.

– Думаю, вам пора, – привлекает мое внимание Настя, и я, оборачиваясь, вижу, как она стоит в проходе несколько напряженная, но изрядно вспотевшая, с растрепанной после наших кухонных игр прической.

– Согласен, – трахаться здесь я точно не собираюсь, хотя желание все так же огненным потоком перетекает из члена в мозг и обратно.

Подхожу близко, но останавливаюсь на расстоянии вытянутой руки. Давить нельзя. А то желание, что хранится в ее сосуде, расплещется, оставляя сухое дно, а сама она будет испытывать рядом со мной лишь дискомфорт. А это последнее, что мне нужно. Мне нужно, чтобы она задыхалась и потела, скакала на моем члене и просила еще, чтобы кричала, когда я буду заставлять ее кончать несколько раз подряд.

Как же тяжело держаться от нее подальше, как же тяжело не желать увидеть эти холмы.

– Насчет моего предложения...

– Мне ничего не надо, – начинает говорить она, но я тут же закрываю ей рот ладонью, заставляя молчать. Молчи!

Ее дыхание сбивается, а кожу моей ладони обжигает воздух изо рта. Самого сладкого ротика, что я пробовал на вкус. Ротика, в котором скоро окажется мой член.

Имитирую фантазию, проведя большим пальцем по губам, немного отодвигая плоть и вожу по жемчужно-белым зубкам.

– Возьми палец в рот.

Она мотает головой, но я не могу позволить ей отказать. Она должна просто покориться. Сама. Сказать легко, но, когда такая телочка рядом, обдает меня своим женским запахом соков между ног, мозг просто отключается.

Резким движением пальцев давлю на щеки, заставляя принять средний палец в рот.

Хватает мою руку и мычит: «уходите».

– Пососи палец, пока я не вытащил тебя в подъезд и не заставил взять в рот свой хер.

То, что она при этом будет течь, как сучка, я не сомневался.

Глава 6. Настя

На отступление шанса и нет. Грубые пальцы давят на щеки, и я открываю рот, принимая в себя его палец. Всего лишь палец. Но как же сладко посасывать его, держать внутри, фантазируя, что в скором времени его заменит орган покрупнее, что я буду задохаться от его величины и скорости проникновения. Прикрываю глаза, уже откровенно всасывая в себя палец, чувствуя, как погибаю, как тону в этом омуте страсти, и он, со своим стальным взглядом, не помогает.

– Смотри на меня.

Только топит сильнее, давит на щеки одной рукой, а другой выкручивает сосок, и я уже не могу стоять. Хочу лечь, хочу раздвинуть ноги, хочу его в себя.

Снова прикрываю глаза, тихо постанывая, уже не чувствую собственного тела, уже предаваясь самым грязным фантазиям, на которые раньше у меня бы не хватило даже знаний.

Заканчивается все внезапно. Вот он только что был рядом, его запах проникал в меня, заставлял сердце отбивать бешеный ритм, как вдруг его не стало. Он просто ушел. Без слов, без прощания. И обида плотным коконом стала меня душить, а еле сдерживаемые слезы брызнули из глаз.

– Мапочка, – шепчу в пустоту. Такого не было никогда. Колени подогнулись, и я просто оседаю на пол, чувствуя, как меня потряхивает. Долго смотрю на столешницу, где познала секунды блаженства, потом на темный коридор, где скрылся его источник.

Тема спит. Я могу пойти к соседу. Всего на пять минут, снова ощутить, как сильно меня хочет мужчина. Шикарный, сногшибательный.

Жар в теле и испарина подсказывают, что мне не требуется даже секса, чтобы похудеть. Не знаю, сколько я сожгла калорий, пока просто держала палец во рту и сжимала бедра, в страхе что между ног хлынет влага.

Решай. Решай. Пять минут. Один поцелуй. Одно прикосновение. Еще пара сотен калорий.

Медленно, тяжело поднимаюсь и на негнувшихся ногах иду в прихожую, мельком заглянув в спальню и убедившись, что сынок спит.

Подхожу к двери и прижимаюсь лбом к металлу, чувствуя, как мозг просто кипит от возбуждения и желания.

Решаюсь.

Давлю на ручку и вдруг слышу шаги за дверью.

Замираю, готовая упасть в объятия Артема, и вдруг в замке кто-то возится ключом.

Влад.

Отбегаю в гостиную и смахиваю слезы напряжения и разочарования.

– Ну где ты там? Жрешь опять? – кричит из прихожей муж, и я прохожу в обратном направлении:

– Ну тихо ты. Тема же спит.

– Да, да, – снимает он ботинки и словно пошатывается. Проходит мимо меня, обдавая приторным запахом женских духов, и, не взглянув в комнату сына, садится на диван.

– Жрать мне принесешь или так и будешь стоять свечкой? – спрашивает он и включает плазму. Этот дорожный телевизор мы купили взамен новому холодильнику. Мой голос, разумеется, не учитывался.

Иду на кухню, туда, где только что меня считали желанной, и проглатываю ком в горле.

Нельзя, нельзя гневить судьбу. Я живу в нормальной квартире, не работаю, ращу сына и почти ни в чем ему не отказываю. Нельзя гневить судьбу, ведь есть женщины, живущие гораздо хуже.

А Влад не пьет, не бьет...

«И не трахает», – подсказывает внутренний голос, но я отмахиваюсь от него.

Секс не главное в жизни. Лучше уж так, чем как мама с отцом по всем гарнизонам России. В каких только болотах мы не жили. Когда появилась возможность выскочить замуж за московского хлыща, я, не раздумывая, ею воспользовалась. Влад надеялся, что нам отойдет квартира родителей, что у них есть в Москве, но отец уперся рогом. Теперь мы живем в квартире его умершей бабушки. Только обои поменяли и кухню новую поставили.

Пытаюсь улыбаться, режу мясо и делаю салат, как вдруг слышу трель телефонного звонка.

Таня, улыбка становится шире, эта длинноногая рыжеволосая красотка моя подруга. Всегда звонит после прихода мужа, как будто знает и чувствует, в какой момент мне нужна ее поддержка.

Про таких как она говорят: не в коня корм. Завидую ей жутко, но удивляюсь, почему у нее нет мужчины.

– Привет, пухлопопова! – кричит она в трубку. – Нашла себе тренера, как я советовала?

Глава 7. Артем

Отпуск – дело хорошее. Но только, когда его есть с кем провести. Можно, конечно, съездить отдохнуть на море или какой-нибудь из островов, где у отца летний дом, но мне не улыбается тащиться одному или знакомиться там с жадной до денег туристов местной девкой.

Тем более, после той адской жопы, из которой я вернулся, единственным моим желанием было предаваться ничегонеделанию дома. Только вот я не учел, как быстро оно может меня достать. Сериалы не вставляют, от постоянного чтения книг болят глаза, а от пробежек гудят ноги.

Именно поэтому мне нужна одна гордая голубка, что живет по соседству и самым наглым образом меня избегает. Снова. Потому что знает, стоит нам остаться наедине, произойдет взрыв, и только брызги терпкой влаги и рвущие тишину стоны будут лететь в разные стороны.

Она, конечно, может меня игнорировать, воротить нос, делать вид, что я ей лишь приснился и теперь, как реальный объект совершенно безразличен, но после того, как она сосала мне палец, смачно причмокивая и катая его на языке, сомнений не оставалось. Она меня хочет. Бл*, она делала это так жадно и самозабвенно, что мне пришлось сбежать и кончить в холодном душе самостоятельно. Развратная дрянь. Еще мгновение и она бы задышалась и мычала от моего члена в своем горячем сладком ротике, а через пару десятков фрикций захлебывалась бы спермой.

Я решил дать ей три дня на капитуляцию, после чего собирался идти в наступление со своим горячим острым оружием наперевес. И вряд ли у нее будет хоть шанс, вступить со мной в схватку. Скорее она упадет на лопатки, и сама раздвинет ноги, прося проткнуть ее до самой матки.

Она, конечно, дама стойкая, именно поэтому, спустя три дня после моего предложения, я слышу, как она возвращается домой после фитнес-зала.

В спецслужбах учат, что внимание человека, пришедшего домой, рассеивается, особенно, если он после тяжелой тренировки.

Наверняка, единственным желанием Насти было принять душ и лечь отдохнуть.

Ну что ж, – хитрая улыбка касается моих губ, – отдыха не обещаю, а вот душ всегда пожалуйста. Тем более, что у меня на кафельной стенке отличные перила на высоте человеческого роста. Зачем их сделали – я не знаю, а вот, как можно использовать, уже придумал.

И именно жаркие фантазии о крупной груди Насти, со стекающей по ней водой, заставляют меня подорваться, взять приготовленную чеплашку и выскочить из квартиры за секунду до того, как она успеет закрыть двери.

Она вскрикивает от неожиданности, когда я вставляю колено в узкий проем в двери, наверняка такой же узкий, как ее влагалище. Наверняка она ни раз представляла, как я вставляю ей.

– Вы напугали меня.

– Тебе, – выделяю слово, напоминая, что для «Вы» мы познакомились слишком близко, – нечего бояться. Тем более я без порочных намерений.

– Да ну? – неверяще выгибает бровки и все же открывает двери шире, включая свет в прихожей.

Не верит, ну и правильно.

В своих мыслях я уже нагибаю ее, задираю длинную в пол юбку и рву трусы.

– Ну да, – улыбаюсь, как мне кажется, совершенно невинно и протягиваю зажатую в ладони округлую, как ее совершенная грудь, чеплашку.

Она хмурится, переводя взгляд с меня на руку и обратно.

– Подаяния просите? – прячет она улыбку, и я понимаю, что нарвался на одну из тех женщин, которые не только красивы, сексуальны, но и с чувством юмора.

Посмотрим, как она воспримет мою «шутку».

– Если только вы раздаете минеты, я бы не прочь нарваться на такое подаяние.

– Хам, – задыхается она от недовольства и пытается захлопнуть двери. – Дайте мне закрыть двери!

Моя нога продолжает стоять в проеме, как бы она ее не выталкивала, проще сдвинуть стену.

– Дайте мне... Меду.

Она прекращает отчаянную забавную борьбу с моей ступней и поднимает недоуменный взгляд, словно я только что сказал не мед, а яд.

Откровенно говоря, очень похоже. Мысли об этой сучке как яд разъедают мозг, не давая выполнить намеченные цели. Да хотя бы к родителям съездить. Отец мне точно башню открутит.

Он только с мамой и сестрой мягкий, а со мной и братом скорее напоминает всегда готового загрызть питбуля. О, как он рычал, когда мы поэкспериментировали с его любимым автомобилем. Подумаешь, немного поигрались баллончиками. Просто хотели поздравить его с пятидесятилетием.

– Меду? – голос Насти возвращает меня в настоящее, и я тону в синеве ее глаз. Сейчас они, как два круглых озера, а в моем сознании она, уже обнаженная, выходит из одного из них.

– Меду, – подтверждаю, толкая чашку ей в мягкую грудь, на что она недовольно шипит и выхватывает ее из моих пальцев, стараясь их не касаться. Но я все равно чувствую в них покалывание от легкой мимолетной близости.

– Какой же вы, – втягивает носом воздух, приготовившись сказать что-то нелестное.

– Красивый? Обаятельный? Возбуждающий? – опережаю её, предлагая варианты.

Она сдувается, как воздушный шарик и, отвернувшись, ворчит:

– Противный.

Не могу сдержать смеха на это совершенно детское заявление и вижу, как от него по ее телу пробегает дрожь, как будто кто-то впустил в душное помещение морозный ветерок. Но позиций голубка не сдает и, сильнее расправив плечи, снимает босоножки и идет босиком в сторону кухни.

Еще одна вещь, что не дает мне покоя. Ступни Насти – маленькие, изящные с красными ноготками и браслетом на тонкой лодыжке. Никогда не думал, что буду драть, представляя, как ее ступни упираются мне в лицо, а я вместо того, чтобы просто продолжать трахать Настю, возьму и оближу каждый пальчик.

– Вот ваш мед, – приносит она мне чашку, доверху заполненную мягкой природной сахарозой, и я замечая, что кончики пальцев у нее запачканы. – Теперь вы уйдете?

– Спасибо большое. Как раз хотел булочек с медом, – играю я бровями и протягиваю руку, чтобы взять чашку.

Она закатывает глаза, передавая мне посуду, и в этот момент вместо того, чтобы взять, я толкаю и опрокидываю ее на Настю.

Весь мед выливается ей в глубокое декольте и обволакивает те самые желанные булочки.

Ну, а что? Она же хочет в душ.

Глава 8. Настя

Когда желания владеют телом, когда рядом находятся 190 сантиметров ходячего секса, разум отступает в сторону. Мозг отключается, открывая дорогу новому и неизведанному доселе возбуждению. А иначе как объяснить, что я просто не послала соседа в далекое пешее с его просьбой, явно надуманной, а сходила и принесла мед. А теперь стою, как идиотка, моргаю глазами и смотрю, как по шее и груди растекается сладкая липкая субстанция.

«Мне просто хочется булочек с медом.». Да, вот здесь можно было все понять, понять, что он просто хочет меня трахнуть, а его невинные «я с добрыми намерениями» просто туфта. Но нет, я же протянула ему чашку!

– Вы, вы, вы, – задыхаясь, пытаюсь выговорить я и поднимаю взгляд на совершенно спокойного наглеца. Его волнение выдают разве что раздувающиеся как у быка ноздри, а в следующий миг он толкает меня к шкафу и буквально зарывается носом в декольте. Тут же проводит по борозде между грудками языком, причмокивая медом, повергая все мое благоразумие в глубокую черную дыру.

– Что же вы делаете, – выстаниваю совершенно риторический вопрос, вцепившись в его бицепсы и ощущая, как под тонкой тканью спортивных брюк в меня уже просится его член.

Хочу оттолкнуть, но руки меня подводят, и вот я уже чувствую на языке приторную сладость, с которой в мой рот ворвался Артем. Он не просил разрешения, как делают это, например, подчиненные, стуча в дверь, он врывается с ноги, буквально насилуя меня своим языком, заставляя задыхаться и хотеть еще. И еще. И больше! Его руки приподнимают мои груди, от чего мед течет по соскам и вниз, полностью пачкая платье.

– Тебе нужно принять душ, – слышу его насмешливый голос сквозь плотный эротический туман и хочу снова оттолкнуть. Мистер очевидность.

– Сволочь.

Он кивает с наглой улыбкой и снова целует меня, срывая с губ стон, в следующий миг отрывает от пола и несет. Наверняка в нашу ванную.

Когда на мою голову падают прохладные капли, освежающие разгоряченную жадными поцелуями кожу, я совсем теряюсь в ощущениях, а губы Артема, накрывшие мои соски, не дают и шанса выбраться из этого дремучего леса похоти и разврата. И вот я уже сама стягиваю с него футболку, сама дергаю узел на штанах, чувствуя, как моя грудь буквально горит от его языка, её смачно вылизывающего. Вода стекает по волосам, одежда намокает, и Артем, такой предупредительный, шепчет:

– Я помогу тебе избавиться от балласта.

О каком именно балласте речь, я уже не понимаю, только ощущаю, как меня избавляют от мокрой одежды, поднимают в воздух, снова целуют, поднимая руки наверх.

– Может быть, не надо, – делаю я последнюю попытку остановить это безумие, но его член уже настойчиво трется о влажные от воды и влаги складочки между ног, а в его глазах животная похоть, после которой прервать акт равно остановке сердца.

Тем не менее, его член еще не во мне, а продолжает все быстрее тереться, словно желая помучить меня еще немного.

– Волков бояться, в лес не ходить. Давай, милая, ноги мне на талию и сама поработай.

– Сама?

– Да, чтобы потом не говорила о насильственных актах, – хрипло говорит он, цепляет мои пальцы за странные поручни, а свои упирает в стену и кончиком своего естества упирается в центр пульсирующей плоти.

Дыхания не хватает, и я облизываю губы, словно не зная, что делать, словно забыла, как нужно трахаться.

– Толкай бедра, садись на член, – рычит он мне, и я подчиняюсь, мягко насаживаясь на твердый, как камень, большой, как банан, гладкий, как шелк член, и почти теряю сознание от того, насколько приятным оказалось это скольжение внутри и, главное, дикий взгляд, с которым продолжает жечь во мне дыру Артем.

Когда я полностью оказалась на этой машине, пытаюсь дышать глубоко и просто прочувствовать весь долгожданный момент правильного секса, он дергает бедрами, протискивая член глубже, и дает новую команду.

– Двигайся, крути бедрами, дай мне себя!

Ощущение его внутри, глубоко, там, где сосредоточилась вся женская сущность, было незабываемо. Не зря говорят, что, если трахаешь женщину, она не трахает тебе мозг. Она становится послушной и податливой, как глина. Вот и я сейчас глина в руках мастера. Мягкая, готовая удовлетворить любой каприз, любой приказ, опустошив голову от чувства вины и стыда.

Артем не двигается, застыл, как великолепный образец мужской фигуры, только смотрит жадно и дрожит всем своим крупным телом, пока вода разбивается об его мускулистые плечи.

Зато двигаюсь я. Напрягая мышцы живота, делаю волну телом, то насаживаясь на твердое естество, то соскальзывая с него. И снова. И снова. И быстрее. Волна телом, член внутри, и обратно.

Опускаю взгляд и еще больше задыхаюсь от зрелища того, как увитая венками плоть идеально подходит к моему цветку, раздвинув лепестки широко, чтобы обеспечить себе наилучший доступ.

Он тоже опускает глаза, напрягает тело сильнее, дернув бедрами, от чего с моих губ, до этого испускающих лишь тихие всхлипы, срывается громкий стон.

– Быстрее, давай двигайся, резче, – говорит сквозь зубы он и энергично толкается в меня, демонстрируя, как правильно заниматься настоящим сексом, а затем снова замирает и ждет.

Руки занемели, тело просит разрядки, настолько внутри стягиваются узлом внутренности, но я продолжаю насаживаться ножнами на его сияющий влагой живой меч, все быстрее, повинаясь приказу моего захватчика.

Никак иначе я не могу назвать человека, который комбинацией из хитрого взгляда, огненного прикосновения и наглости сразил напрочь все мои жизненные принципы и установленные правила.

Он просто заставил меня себе подчиняться, а я ничего лучше и не чувствовала никогда. Никогда еще мужчина не казался мне настолько совершенным, никогда секс не казался мне столь диким. Никогда еще мои чувства не были разбиты о скалу похоти и желания.

И я показываю их всем своим телом, прикусанными губами и глазами, в которые продолжает жадно глядеть этот мужчина, раздувая огонь страсти выше и сильнее.

В какой-то момент, когда я разогналась особенно сильно, чувствуя себя прирожденной наездницей, ощущая, как за много дней тренировок в зале впервые болит пресс, он сжимает челюсть и резко меня спускает вниз.

Прижимая к стене и держа руку на животе, словно зная, что мои онемевшие ноги просто не смогут стоять ровно, он роется в шкафчике и достает квадратный пакетик.

Боже, я и забыла, как они выглядят.

Он быстро меня целует, выключает душ и спрашивает:

– Нужно?

Качаю головой.

– Быстро и по существу.

– У меня спираль.

И вот тут у него словно срывает какой-то барьер, сдерживающий его животную сущность, возбуждая и одновременно пугая меня до крайности.

– Сейчас я покажу тебе, что такое настоящая скачка, – рычит он мне в губы, облизывает и резким движением разворачивает к стене. Коленом раздвигая ноги, а рукой надавив на поясницу.

– Прогнись сильнее.

Все тело уже ломит. Никогда еще секс не был похож на лошадиные скачки. Скорее бег трусцой.

Но я даже не подозревала, что все десять минут, что я качала пресс на его члене, я всего лишь делала разминку.

Одним ювелирным движением он прорывается в мое узкое лоно, заставляя издать невольный вскрик, и шлепает по заднице, расплескав повсюду капли воды. Этот звук, эхом отразившийся от стен, как гонг перед началом военных действий. Страшно. Но движения члена внутри не были страшными, пугала только та скорость и сила, с которой наши тела сталкивались друг о друга, как отбойные молотки.

И от этих движений мир вокруг потемнел, мне кажется, я нахожусь на раскаленной плите, а дьявол щелкает мои внутренности огненной плеткой. Снова и снова.

Оргазм врывается в меня, как взрыв, ослепляя, оглушая, заставляя просто кричать от восторга и счастья. Никогда, никогда мое тело не было таким легким и воздушным. Сейчас бы просто лечь в объятия любовника и уснуть до самого вечера.

Но любовник не останавливается, он держит меня за талию, продолжая долбиться внутри тела, не зная ни жалости, ни усталости.

– Хватит, – хриплю я, чувствуя, как ноги подгибаются. – Я больше не могу, хватит.

Он словно не слышит, его член внутри даже не собирается останавливаться и кончать.

– Артем, я устала!

– Терпи, терпи, – хрипит он мне на ухо, делая особо резкое движение внутрь и опускает грудь на пол.

Просто садится сверху, не прекращая энергичных фрикций, и мнет мне задницу.

Сколько это продолжалось – я не знаю, я уже чувствую, что теряю сознание, что слезы бессилия каплют на пол, потому что куда мне бороться с огромным возбужденным быком.

Как вдруг новый оргазм, как крадущаяся кошка, нападает внезапно, вклиниваясь когтями в зоны удовольствия в мозгу. А все потому, что эта сволочь сначала шлепнул меня по заднице, а потом пролез под грудь и сжал соски. Просто сжал чертовы взбухшие соски, при этом даже ни на мгновение не прекращая резких поступательных движений внутри.

– А говоришь... Не можешь, – стонет он, наверняка ощущая, как мое пульсирующее лоно стягивает кольцом его член, душит змея-искусителя, который вскоре каменеет сильнее, и, пока я вою от поражающего чувства оргазма, выходит и брызгает горячей влагой мне на спину.

Он долго моет меня после, почти не заглядывая в покрасневшие от слез глаза.

– Я просила вас остановиться, – хриплю я, смотря куда-то в сторону, пока он весьма внимательно обмывает мои набухшие груди.

– Мой член только что был в тебе. Думаешь, это незначительный повод, чтобы перейти на ты?

– Я просила вас остановиться, – возмущенно выдыхаю, все-таки заглядывая в темно-синие глаза. А в них ни капли вины, только тлеющие угли желания, готовые от одной искры снова разгореться в пламя. Но этой искрой точно не буду я. – Когда женщина просит остановиться, обычно мужчина...

– Обычно, – передразнивает он меня, – когда мужчина на грани оргазма, его вряд ли остановит и начавшаяся война. Хочешь расскажу про одного полководца, который потерял армию, потому что не мог остановиться и перестать пользоваться полковую жену.

– Это... – моему возмущению нет предела. Тем более, что отец рассказывал мне эту историю. – Капитан Юнь плохой пример для подражания. Он терял армию не единожды и каждый раз шел к отцу императору за новой, потому что ему было плевать на людей.

– Вау, – восхищенно смотрит он и притягивает меня к себе. – Пример плохой, но показательный. Когда член в такой тесной норке, мужчина не способен мыслить рационально, и тебе надо тренироваться. Завтра идем в тренажерный.

– Что, – уже разомлевшую меня его слова ввели в ступор. – Я думала...

– Секса это не отменяет, но ты должна быть хоть немного выносливее. Я люблю долгий секс.

– Я вам, – вскидываю подбородок, охреневая от подобного заявления, – ничего не должна!

Резко поворачиваюсь на пятках и чуть не грохаюсь вниз, поскользнувшись. Его стальные руки возвращают меня к себе, а губы, смеясь, шепчут.

– Ты сделаешь все, как я скажу, во-первых, потому что сама этого хочешь, – с этими словами он резко просовывает руку мне между ног и собирает там влагу, тут же засовывая мне пальцы в рот, а потом глубоко и грубо целуя. И мой стон лишь еще одно позорное доказательство его слов.

– А во-вторых, потому что не захочешь, чтобы обо всем узнал твой благоверный.

– Да, как ты...! – размахиваюсь и со всей дури бью его по щеке, но тут же вскрикиваю от боли в запястье. Господи, как по камню ударила.

– Ты не посмеешь.

– Ты права, не посмею, – шепчет он мне в губы, прикусывая нижнюю, более полную, пока его чуть позолоченная волосами грудь трется о мои чувствительные соски. – Но давай просто не будем ругаться, и ты больше не будешь меня бить.

– Больно? – немного отхожу от испуга и с весельем наблюдаю, как по его щеке все-таки расплзается пятно.

– Хм, – усмехается он и тут же становится серьезным, вытаскивая меня из ванной. – Рефлексы могут сработать, и я ударю в ответ. И сомневаюсь, что ты со своими ста шестьюдесятью сантиметрами сможешь выжить.

– Сто шестьдесят семь, – испуганно выдыхаю я и тут замечаю часы, скидываю полотенце, начинаю метаться по комнате. Боже, целый час! Кто вообще трахается так долго?

– Что ты мечтаешь? Тебе за тезкой вроде только в пять, – интересуется наглец, с извращенным удовольствием наблюдая, как я пытаюсь натянуть мокрую одежду.

– Сейчас Танька придет! Ну, помоги, не стой столбом.

Он и помог. Принес свою огромную футболку, на этот раз с принтом миньонов и, одев на меня, отнес в мою квартиру.

– Миньоны не вяжутся с твоей внешностью, – говорю я на прощание.

– У меня сестра и племянница, – пожимает плечами этот непостижимый мужчина. – Приходится выкручиваться.

Поцеловав меня на прощанье и пообещав завтра затрахать меня тренировкой в зале, он уходит, а уже через полчаса в дверях улыбается Таня в сногшибательных кожаных брюках.

– Ты не знаешь, что за жеребец садился сейчас в такси?

Глава 9. Артем

Доехать до родителей было хорошей мыслью. Может быть, хоть там меня немного отпустит жар чресл после секса с голубкой. Вернее, от желания все повторить немедленно. Может быть, хоть там, в кругу семьи, я перестану думать о её мягком гибком теле, узкой дырке, сладких сосках и невероятно мягких губах.

Еще никогда меня не поглощал трах настолько, что я терял разум и просто не мог остановиться. Я хотел еще и еще, уже позабыв о том, что подо мной живой человек. Брал и охреневал от того отчаяния, что пробирало насквозь только при одной мысли, что этот кайф может закончиться.

Да, у родителей спокойно.

И там я снова вспомню, что женщин, подобных моей матери, один на миллион. И что подобных браков, как у нее с отцом, один на десять миллионов. В основе своей женщины лживы, алчны, а порой и просто дуры.

Жена Вовчика тому прямое и неопровержимое доказательство.

Еще тогда, в первый день знакомства, если бы не вовремя пришедшие родители, она бы залезла на мой член и даже не заикнулась бы, что невеста брата.

Я не красивее брата, мы просто разные. Просто я достаточно легкий на подъем, если дело не касается работы, он же... Все-таки само то, что его родной отец сидит в тюрьме, наложило отпечаток на его личность и сделало желание поступать правильно и идеально самым важным в жизни.

Именно поэтому он простил жене первую измену, чтобы не разрушать брак, а потом и вторую. А эта сука пользовалась его принципами. А теперь и вовсе разводится с ним. Пытается лишить прав на дочь и отхапать кусок пирога, который даже не сахараила.

И это только один пример. А друзья по армии? Все же в разводе! Какой-то просто ажиотаж, очевидно связанный с пропагандой свободолюбия и одноразовых вещей. Не получились отношения – на мусор, как вещь.

Вот у моих родителей, один раз и навсегда, даже несмотря на то, что у матери второй брак. С отцом они почти тридцать лет вместе и это вам не развод после свадьбы. Это серьезно.

И сколько бы они не ругались – не важно, что происходило это чаще всего в шуточной форме – они никогда и не подумали бы о разводе.

Вот и сейчас отец мешает матери готовить, стоя сзади на кухне и что-то шепча на ухо. Как пацан в пубертатный период, честное слово.

– Прохор, прекрати тереться об меня. Сейчас придет Артем, а он всегда голодный, – беззлобно ворчит темноволосая Олеся Романовна. Она помешивает, судя по муке, витающей в воздухе, вручную слепленные пельмени.

– Я тоже, любимая, всегда голодный, – произнес батя таким приторно сладким тоном, что меня чуть не стошнило. Особенно, когда он положил руку ниже спины и сжал.

– Пап, ну серьезно? Тебе же шестьдесят, сколько можно? – привлекаю я к себе внимание, чем пугаю маму. Она вскрикивает, скидывает руки и летит ко мне, прижимаясь своим маленьким пышным телом.

– Ну, слава Богу, и это спустя неделю после приезда! – журит меня мама и тянется расцеловать щеки, обдавая запахом уюта и тепла. Мне всегда казалось, что даже если на улице дождь и слякоть, у нас дома свое собственное солнце.

– Между прочим, мужчина может до конца жизни... – дергает бровями отец и жмет мне руку, а затем, немного подумав, крепко обнимает. Кроме того, постучав по спине. Обычно он более сдержан в чувствах, но мы не виделись целый год.

– Между прочим, здесь дети, – слышу строгий высокий голос и оборачиваюсь. Маленькая копия мамы, только худая, как жердь. Десятилетняя Лилия. Улыбаюсь во все свои тридцать (пару зубов после пыток еще не вставил) и раскрываю объятия.

– Артем! – кричит она и запрыгивает на меня.

– Ты даже подросла.

– А ты постарел, – смеется она от моей щекотки и шепчет. – Они друг от друга почти не отлипают.

Еще некоторое время мы общаемся с семьей, скорее рассматривая друг друга, сильно соскучившись. Но и слова Лильки из головы не выходят, порой напоминая собственные мысли.

Несмотря на уют в доме, на его красоту и гостеприимность, в какой-то момент чувствуешь себя здесь лишним. Это еще с детства повелось. Мама с отцом словно живут в своем мире, зная какую-то тайну, недоступную для других.

Нет, родаки они классные. Претензий нет. Может быть, где-то даже слишком идеальные, не смеющие даже и подумать о том, чтобы накричать или раздражаться.

Они помогали развивать именно те увлечения, что были нам с братом близки, особо никогда не давили. Твердость характера отца весьма гармонично сочеталась с мягкостью матери, но ощущение некой отчужденности присутствовало всегда.

И это чувствовали и я, и Вова, а теперь вон и Лилия, ковыряющая салат, это ощущает. Наверное, поэтому, как только появилась возможность смотреться из дома, я это сделал.

Военная карьера меня всегда привлекала, и уже в пятнадцать я уехал в Суворовское училище. Причем, почти в то же время, что и Вова, который отправился покорять зарубежные биржи и попал в небезызвестную сотню Форбс.

– Как там дела с этой... – выразиться мне помешал взгляд матери, каким она меня награждала за любое при ней ругательство. – Профурсеткой.

– Она мужика себе завела, – ответил за мать сам Вова, зашедший в большую светлую столовую, увешанную семейными фото, сквозь двустворчатые двери. Они вели на большую веранду. Дом, недалеко от Москвы, принадлежит нам еще с тех пор, как отец был холостяком. Кучу раз отремонтированный, маме он был бесконечно дорог, и уезжать отсюда в город она категорически зарекалась.

– Неужели ты не можешь ей пригрозить или откупиться.

– Она хочет половину имущества, – потер он свое бледное, осунувшееся лицо и убрал со лба черные волосы. – А доказательств ее измены нет.

– Она совсем ох*е...

– Артем! – прикрикивает мать, а Лиля хихикает в кулак.

– Разберусь, не парься, – отмахивается старший брат, стряхнув с себя пиджак, и залпом выпивает рюмку водки. Я за ним. – Лучше рассказывай, где был в этот год. Это всяко поинтереснее, чем мои склоки с этой тварью. Как в Мексике бабы?

– Вова!

Мы с братом переглядываемся и усмехаемся, потому что научились отборным ругательствам у отца, на которого мать ни разу не решилась повысить голос. Тот мне подмигивает и снова тянется к матери, касаясь губами ее шеи.

Мы, то есть дети, не удерживаемся от того, чтобы закатить глаза.

Я, насколько это возможно, рассказал о своей командировке, о новом звании. А вот о том, как меня чуть не убили, как валялся в госпитале с ножевым ранением, о том, как сидел в тюрьме Акапулько за мнимое хранение наркоты, рассказал уже только брату. Маме и отцу такие подробности знать не нужно.

Уже на следующий день, после плавания в крытом бассейне, наткнулся на родителей, мило о чем-то воркующих, и снова понял, что надо валить.

Тем более, что поездка к родителям не помогла избавиться от желания к Насте ни на секунду, скорее усилила. А значит, нужно скорее оттрахать ее, как следует и стереть картинку стонущей русалки, делающей волну на члене, побыстрее.

Ее образ манит и соблазняет, а воспоминания о стекающих по груди каплях воды сводят с ума. Всю ночь почти не спал, хотел вздрочнуть, но в доме родителей для меня это табу. Так что яйца горят, и кому-то придется остудить этот жар своим маленьким ротиком.

– Артем, о чем замечтался? – с интересом спрашивает подошедшая с боку мама и присаживается рядом на шезлонг. – Влюбился?

– Боже! Мама, – смеюсь я. – Тебе бы только всех переженить.

– А что в этом плохого? – удивляется она и прячет синие глаза за очками. Солнце сегодня слепит. – Тебе почти тридцать лет. И я бы очень хотела внука.

– Вот уж точно не повод для брака. Тем более, если смотреть на Вову, то лучше вообще избегать подобного хомута на шее.

– Не все женщины такие, – с улыбкой говорит эта, во всех отношениях идеальная, женщина, блестящей копне волос и фигуристости которой завидуют многие сопливые девчонки. Наверное, если сравнивать с кем-то из знаменитостей, то она более всего походит на Моннику Беллуччи – итальянскую пышногрудую актрису. Неудивительно, что страсть между родителями не угасает и по сей день.

– Мама, – беру ее ручку в свою и целую. – Если найдешь мне такую же как ты, сообщи немедленно, я попрошу террористов перекурить и приеду сыграть с ней свадьбу. Жаль правда, что после того, как я вернусь в пекло, она найдет себе кого-то с более спокойной работой.

– Так может и тебе сменить работу, – с надеждой спрашивает мать, погладив мой ежик и забавно морщась. Она, конечно, понимает, что я всего ей не рассказываю и очень переживает, но недостаточно, чтобы поставить ультиматум.

Мои рассказы о работе напоминают описание ширмы, за которой началась уже война.

– И променять приключения и пацанов на бабу? Чтобы потом сесть за убийство ее любовника или ее самой?

– Не будь к себе так строг. Ты более сдержан, чем считаешь.

Ох, мама, мама. Она всегда ищет в людях что-то хорошее. А судя по тому, как я жарил Настю, я даже более не сдержан, чем считал.

– Поеду я, мам.

– К девушке, – сразу улыбается она, и когда я обреченно киваю, взволнованно спрашивает, расправив плечи в голубом воздушном пончо. – Какая она? Красивая?

– Очень на самом деле, но кто-то явно упорно убеждает ее в обратном.

Отъехав от родителей, я понял, что могу расслабиться и сделать по-настоящему глубокий вдох. Как будто после плотного ужина растянул ремень и вывалил пузо, пока никто не видит. И не важно, что пуза-то у меня никогда и не было.

А вот по мере приближения к съемной квартире чувства меняются.

Волнение. Предвкушение. Возбуждение. Желание вновь познать тесный плен тела моей Голубки становится невыносимым и жжет внутренности, как после острой пищи. И лишь она одна способна наполнить меня освежающей влагой своих губ и прикосновений.

Но и эти чувства сметает метлой, когда, выйдя из такси, я вижу у подъезда пафосный «Патриот» цвета хаки с черными военными номерами.

И что бы высшему руководству здесь делать? Точно не жить, я бы заметил.

Уж я бы точно заметил Ланкина, с его ежиком седых волос и бочкообразной грудью. Ланкин Сергей Петрович был полковником Московского округа. Причем в столицу он перебрался всего год назад, а до этого строил сопляков, как он сам выражается, по гарнизонам в глуши нашей необъятной страны.

Сам я тоже был сопляком, когда увидел его первый и последний раз. Он разрабатывал операцию в своем районе, а я был, так называемым, пушечным мясом.

Он жесток, непримирим, а возможно все дело в том, что несколько лет назад потерял сына и воспитывал лишь дочь.

Тяжелый взгляд полковника обращен в лобовое стекло, которое задымлено, судя по размеру облака, уже третьей сигаретой.

Меня он вряд ли бы узнал, да и не хочется в отпуск общаться с военными, поэтому невидимкой проскакиваю в дверь подъезда и на лифте поднимаюсь на свой пятый этаж.

Здесь меня встречает темноволосая женщина с тезкой на руках. Пацаненок тянет ко мне руки, и я, не думая, поднимаю его наверх.

И я уже хотел спросить, чего это малыш трется в подъезде, а не на улице, как вдруг из Настиной квартиры доносится ее крик, а следом мужская отборная ругань.

– Вы не могли бы поставить моего внука на пол, – привлекает внимание к себе женщина, и теперь я понимаю, что в ней показалось мне знакомым. Глаза и пухлые губы.

Но если у Насти все это яркое и приветливое, то здесь лишь тоска и желчь.

– Насте нужна помощь? – перевожу взгляд на дверь, уже готовый вспомнить все рабочие инстинкты и просто переломить хребет бесхребетному муженьку.

Дорогу мне загромождают Настина мама и почти вырывает внука из моих рук. Ну с такими-то габаритами понятно.

– Вам, кто бы вы ни были, там делать нечего. Это семейная ссора. Весьма частое явление для тех, кто обременил себя ответственностью брака. Вам не понять. Судя по всему, вы холостяк и даже гордитесь этим.

Вот это да. Обвинить незнакомого человека с ходу. Да еще и так, словно она одна живет тяжелой, но праведной жизнью. Это еще надо талант иметь.

– Из-за чего ссора? – без предисловий и проигнорировав ее замечание, спрашиваю и достаю из кармана конфету, чтобы протянуть уже хныкающему малышу.

– Он не ест сладкого! – убирает протянутую детскую ручку эта «приветливая» особа и вскидывает подбородок. – Сор из дома выносить мы не привыкли. Идите, куда шли, молодой человек.

Она выжидающе смотрит, склонив голову, ждет, пока уйду, и я, невольно передразнивая ее позу, тоже наклоняю голову. Вот дернул же черт. Вижу, как от насмешки ее кожа стала покрываться пятнами.

– Вы издеваетесь? – возмущенно раздувается эта и без того полная женщина и перекладывает извивающегося ребенка на другую руку. – Кто вы вообще такой?

– Сосед, – пожимаю плечами и вот тут тетка заливается громким плачем.

Мать Насти, конечно, начинает его успокаивать, но делает это с явной раздражительностью, что дети очень хорошо чувствуют.

За дверьми, наконец, образовывается тишина, и выходит в домашнем неприглядном халате Настя. Мельком взглянув на меня, она берет на руки малыша, тут же его этим успокаивая. Так ничего не сказав, заносит мальчика в квартиру.

Её мать – дай бог здоровья этой вредной женщине – зыркает на меня прищуренными глазенками и тоже заходит в квартиру, захлопывая дверь, как будто перед моим носом.

Убедившись, что преступления никто совершать не будет, залетаю в квартиру и бегу в душ охладить желание вернуться туда и все выяснить.

Нет, нахрен! Баста. Мне точно не нужна женщина с такими проблемами в своем окружении. Ведь, волей-неволей принимая в свою постель любовницу, ты берешь за нее ответственность и эти проблемы решать, рано или поздно, придется.

А вот, на*уя мне это? Лучше позвоню тренеру по танцам на шесте. Всегда готова, всегда с презервативами. Приедет, трахнемся, уедет.

Ну, в крайнем случае, можно пофантазировать, что это Настя, если о кости этой жерди не порежусь.

Да, я холост. И да, мне это нравится. Мне не нужно думать об удовольствии другого человека, кроме как в постели, а свою карму я стабильно пополняю. Спасая тысячи жизней в военных операциях по всему миру.

Решение принять легко. Кажется, щелкнешь пальцами, и все будет, как ты хочешь. Только вот ближе к ночи, взяв телефон, чтобы набрать номер Лены, очень некстати выглядываю в окно.

Там уже сумерки. Уличные фонари желтыми пятнами освещают влажную после дождя землю. И в одном из таких пятен вижу до тянущей боли в паху знакомую фигуру.

Вбивая тяжелые каблуки в бетон дорожки, в сторону фитнес-зала марширует Настя. Её коса отбивает ей попку при каждом резком шаге. Напряжение видно невооруженным взглядом.

Пальцы как-то сами собой нажимают кнопку отбоя, а в голове сильно шумит, как будто я снова оказался в душе, и капли с меня слизывает юркий, упругий язычок.

Так, спокойно.

Надо просто выдохнуть, отвести взгляд от круглой, удаляющейся задницы и опять зависнуть за Доктором Хаусом. Каждый отпуск пересматриваю этот сериал.

Так, еще вдох. Выдох. Я не пойду. Я не буду одеваться и бежать за женщиной с таким прицепом. Кто знает, что еще у нее там есть. Мне она не нужна. Не нужна, я сказал!

Только вот ты обещал ее потренировать в зале. Показать нужные упражнения. Ты же обещал.

Разве по уставу не принято отвечать за собственные слова? Разве отец не учил тебя выполнять обещания?

– Значит так, – встаю я и медленно иду к шкафу, скидывая шорты и натягивая боксеры с джинсами. – Я просто подскажу ей пару упражнений, полюбуюсь, как она их выполняет, и скажу, что не смогу с ней видаться. А потом лучше сниму другую квартиру. Да, так и сделаю.

Смотрю в зеркало на выходе и отчего-то вижу, как кривятся губы в насмешке. Словно само отражение смеется над моими словами.

И решения приняты, только чем ближе я подбегаю к Насте, чем сильнее втягиваю ее запах, тем более расплывчатыми они становятся.

Бегу за ней, срывая дыхание, и нагоняю у самого лифта, который и должен отвезти нас наверх.

Она полного слез взгляда не поднимает. Я, нажав кнопку стоп, толкаю ее к зеркальной стене. Нажимаю на грудь ладонью, чтобы не дергалась, и резко, рвано требую:

– Рассказывай.

Она смотрит на меня снизу-вверх, долго думая, слишком долго. А потом вдруг говорит то, что выбивает воздух из легких, разбивает вдребезги все решения и правильные мысли.

– Лучше трахни меня, Артем. Просто трахни, как обещал, и дай в тебе забыться.

Глава 10. Настя

– Рассказывай, – требует он, и одно это слово прорывает плотину.

Я уже хочу поведать ему о том, что муж пошел к отцу и попросил денег. К человеку, который даже внука видеть не хочет. Хочу рассказать, как муж даже не хочет говорить, на что потратил такую огромную сумму, что пришлось закладывать квартиру. Хочу рассказать, как мама вместо того, чтобы поддержать меня и пожалеть, только жужжала, что я сама виновата, и сама выбрала этого человека. А отец, человек, с которым я когда-то делилась всем, который был для меня идеалом мужчины, даже не посмотрел в мою сторону, когда приволок избитого Влада.

Хочу рассказать все Артему, надеяться, что он все решит и сделает меня счастливой. Очень, очень хочу, но еще больше я хочу забыться в этих сильных руках и горящем взгляде, прожигающем сущность насквозь, доставая самые потаенные, извращенные фантазии наружу.

Хочу просто забыть, кто я есть и отдаться во власть этого незнакомого мужчины с твердым членом и сильными руками, способными даже такую тушку как я держать на весу.

Шепчу ему что-то, руками схватив за лацканы куртки, умоляю взять меня прямо здесь и вижу, как он колеблется.

Но я не могу ждать, пока он решит, поэтому делаю то, против чего не устоит ни один мужчина.

Просто опускаюсь на колени и в несколько движений избавляю Артема от покрова одежды, скрывающего твердые, крупные намерения.

Его член тут же прыгнул мне в руку, и Артем, что-то пытавшийся возразить, тут же замолчал и громко выдохнул.

Провожу по его стволу пальцами, обрисовывая контур по всей длине, возбуждаясь только от одного вида этого природного совершенства.

– Настя, черт...

Молчу, прикусив губу, продолжая водить рукой, обнажая крупную темно-розовую головку и касаясь ее кончиком языка. Обычно я не люблю это дело. И вообще считаю противным. Но не сейчас. Мне нужно почувствовать себя кем угодно, но не женщиной, со всех сторон окруженной проблемами.

И если для этого нужно на полчаса стать распутной и грязной сучкой, той, в чью сторону никогда бы не посмотрела моя благовоспитанная, верующая мама, то я готова. Для этого я даже готова сосать чертов огромный член.

– Настя, бери в рот и двигай головой, – требует Артем, и я поднимаю глаза, встречаясь с его диким взглядом.

Его руки упираются в зеркальную поверхность стены лифта, и поза прямо сейчас выглядит вопиюще эротичной, и мое желание благодаря этому только возрастает.

Смотреть на него вот так. Снизу-вверх. Предвкушать горячий секс... член внутри себя. Это даже лучше самого секса.

Артем нетерпеливо дергает бедрами и тычется мне головкой в губы, требует с рычанием в голосе.

– Открывай, сука, свой рот, пока я просто тебя туда не трахнул.

Его нетерпение понятно, я и сама начинаю елозить, чувствуя, как между ног моя палуба дает течь.

Провожу языком по губам, смачивая их слюной, и покорно открываю рот.

Артем тут же толкается в него крупным членом, издав влажный стон и хрипит:

– Двигай головой, сожми губы, Господи, просто соси!

Его команда возбуждает даже больше того действия, что я по ней совершаю.

Ласкаю его член губами, вылизывая со всех сторон, как мой любимый клубничный леденец, постоянно задевая мягкие гладкие семенные мешочки.

Его пах чисто выбрит, в отличие от моего мужа. Я, если честно, думала, что так только порно актеры делают.

К моему стыду, признаться, я и сама, уже не надеясь на секс, даже не пытаюсь ухаживать за местечком между ног. Но теперь мне хочется это сделать быстрее, чтобы ни один волосок не мешал прочувствовать все удовольствие, что может подарить подобный агрегат.

Он уже глубоко во рту. Пытается достать до горла, и я стараюсь двигать головой энергичнее, напрягая мышцы шеи, чувствуя, как натягивается кожа на подбородке.

Еще одна тренировка для мышц лица, потому что чувствую, что тело горит и потеет.

Артем хватает меня за горло, ладонью к подбородку, большим пальцем надавил на нижнюю губу. Он заставляет замереть, двигая членом сам, упираясь в щеку и выходя с пошлым звуком.

И снова внутри. В щеку и наружу.

Это движение члена сводит с ума, заставляя елозить сильнее, чувствуя пустоту между ног.

– Вставай, – рычит он, отойдя на шаг и поглаживая мокрый от моей слюны член.

С трудом поднимаюсь на затекших ногах, смотря в его глаза, стараясь не опускать взгляд. Хотя он сам тянется к месту, где все чаще работает его рука.

– Развернись. И лицо к коленям.

Это упражнение, растягивающее мышцы, я делаю регулярно, еще с тех пор, как мы с братом занимались гимнастикой. Я даже умею садиться на шпагат и делать сальто. Умела.

Без слов разворачиваюсь и медленно опускаю корпус вниз, предоставляя вниманию Артема одетую в светлые бриджи попку. «Огромную задницу», как часто говорит Влад.

Но рука Артема, поглаживающая ее, дает мне мигом забыть и об оскорблениях, и о муже в принципе, погружая в густой туман сладострастия и похоти.

Он гладит между ног, и я чувствую, как там намокает ткань трусиков.

– Тебе придется постараться, чтобы я выпустил тебя отсюда до ночи.

– Ох, – только и выдыхаю я, ощущая, как его рука продолжает помогать моей промежности все быстрее, надавливая и сводя меня с ума. – Я все сделаю.

Он издает рваный стон и одним движением сильных рук стягивает с меня и брюки, и слишком узкое белье.

Его член упирается в мои влажные губки, гладит, раздвигает их, открывая взору то, что между ними, а потом вдруг толкается внутрь, срывая с моих губ визг, и замирает.

– Двигай задницей, – сдавленно стонет он, и я чувствую, как его тело сотрясает еле заметная дрожь.

Начинаю медленно скользить влагалищем по его члену то отпуская, то засасывая обратно.

– Ох ты ж, Настя, какая ты тугая.

Хочется спросить, нравится ли ему, но судя по тому, какие звериные звуки он издает – вопрос лишний. Да и моя голова давно забита одним только наслаждением и желанием улететь в порочные дали.

– Быстрее, Голубка. Двигайся, насаживайся сама! Это, – он выдыхает, – очень хорошее упражнение для мышц спины и ног.

Хочется усмехнуться, но я слишком занята, чтобы осознавать, что-то кроме его твердыни в моем мягком лоне, ощущая при этом каждую венку, испещряющую его орган.

– Быстрее, – уже гортанно рычит он и награждает меня шлепком по заднице, и я подчиняюсь. – Быстрее! Давай же!

Двигаю бедрами на огромной, как мне кажется, скорости, ощущая, как растет напряжение в мышцах не только спины, ног, но и живота.

И да!

У меня получается...

Наслаждение внутри нарастает по спирали. И в какой-то момент взрывается яркой вспышкой, когда Артем впиывается в ягодичную плоть пальцами и с размаху делает несколько резких, мощных толчков, ударяя тела друг о друга, как молот о наковальню.

Выйдя быстро, он поднимает меня за косу и целует рванными толчками, рыча в рот, заливая пол семенем.

В его поцелуе было все – благодарность, желание и обещание новых, еще более извращенных удовольствий.

Они пугали и завораживали, и я поняла, что хочу просто им поддаться. Говорят, для счастья человеку нужно несколько составляющих его жизни. И я решаю, что Артем будет одной из них. Хотя бы ненадолго.

Чтобы потом, глотая очередные слезы о своей неудавшейся жизни, мне было что вспомнить.

– Ну что, – усмехается он. – Может еще в тренажерный? Покажу тебе, как правильно качать пресс, а то в прошлый раз ты качала шею.

– Как и сегодня, – слабо улыбаюсь я и сама касаюсь его таких близких, твердых губ. – А сам ты способен?

Артем фыркает и резким прыжком поднимается на ноги, только тут же пошатывается и удерживается рукой.

Я невольно усмехаюсь и вижу в его глазах восхищение. Такое легкое, как шелк, и такое же приятное, как эта ткань на ощупь.

Сама я подняться не могу. Ноги просто онемели, и Артем, запуская лифт, сам помогает мне встать, после чего приводит свою одежду в порядок. Я свою.

Выходим из лифта, и он вдруг меня останавливает, смотрит и о чем-то думает, попутно поправляя одежду. Возможно, чтобы скрыть нервозность?

– Что?

– Ты не рассказала.

– А тебе действительно интересно, или ты интересуешься из вежливости? – спрашиваю. Выжидательно наклоняю голову и смотрю за неменяющимся выражением лица. Только глаза выдают его мысленные метания.

– Я не знаю, – настолько честно отвечает он, что я в удивлении приподнимаю брови. Он тем временем становится грозным, суровым.

– Зато я знаю, что тебе не понравился мой халат в цветочек, – решаю я перевести разговор с опасной темы, и он благодарно усмехается.

– Тут ты права. Предлагаю его сжечь на ритуальном костре и потрахаться на углях.

– Любишь экстрим, – притворно округляю в страхе глаза.

– Люблю. Наверное, поэтому снова хочу тебя. Секс с тобой похлеще лазания по краю крутого обрыва.

Глава 11. Артем

Сложно осознавать, что решения, принятые накануне, просто дерьмо собачье, а все желание по отношению к объекту этих решений сосредотачивается даже не в члене, а в мозгу.

Её глаза, как долбаная рыболовная сеть, в которой я запутался, глаза сирены.

Голубые, манящие, а губы, что еще недавно слизывали сперму, как врата в рай. И вместо того, чтобы сказать ей: спасибо, расходимся по домам, я как больной, одержимый ублюдок смотрю, как она делает приседания. Под моим чутким руководством. Настолько чутким, что я сам держу ее за бедра сзади и направляю малейшее движение.

– Мне кажется, ты мог бы показывать упражнение где-то сбоку, – стыдливо говорит она и радуется, что в зале никого не осталось.

– Так эффективнее.

Гениально, парень. Почти трахаешь даму прилюдно и несешь ересь про эффект тренировки.

Продолжаю командовать. Направлять ее движения, периодически задевая членом попку и крепко держа руками мягкую тонкую талию, тяжело дыша ей в шею, увлажняя завитки волос.

– Может быть, просто поцелуемся, – резонно предлагает Настя, и я прямо чувствую на языке ее свежий вкус мяты.

– Успеется. Приседай, – командую я, она, вздрагивая от моего шлепка по заднице, обтянутой тугой тканью бридж, тяжело вздыхает. Я невольно усмехаюсь и продолжаю приседать вместе с ней

– Ноги болят.

– Они будут болеть потом, если не сделать этих упражнений, потому что я собираюсь закинуть их себе на плечи и трахать тебя до тех пор, пока твой пульс не станет под двести ударов в секунду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.